

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.028

НАПОЛЕОН НА СВЯТОЙ ЕЛЕНЕ: СИМВОЛЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

А. Г. Готовцева

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
кафедра журналистики и телевизионных технологий
Институт научной информации по общественным наукам РАН
редакция журнала «Россия и современный мир»
Российский государственный гуманитарный университет
кафедра литературной критики

В статье рассматриваются символические структуры наполеоновского мифа, касающиеся пребывания свергнутого императора на острове Св. Елены. Устойчивый символический комплекс, сложившийся в европейской поэзии, проник в русскую поэзию, которая осмысляла его по-своему, одно перенимая практически без изменений, другое категорически отвергая. Рассмотрение ряда известных поэтических текстов первой четверти XIX – первой трети XX вв., позволило показать преемственность образов, сформировавших в русской поэзии данную часть наполеоновского мифа.
Ключевые слова: *Наполеон, остров Святой Елены, историческая память, символы, образы, поэзия, наполеоновский миф.*

До появления в русской поэзии, образ Наполеона на острове Святой Елены формируется в определенных мифологических структурах поэзии европейской, прежде всего французской. Автор данных строк посвятил этому отдельную работу, опубликованную в журнале «Новая и новейшая история» [8]. Позволю себе сделать здесь краткое резюме, чтобы затем перейти к литературе русской.

При анализе творчества европейских поэтов (В. Гюго, К. Делавиня, Э. Кинэ, Л. Бельмонте, Г. Гейне, Й. Цейдлица и др.) был выявлен определенный семантический комплекс, отражающий реальное географическое описание острова Святой Елены (скалистое образование посреди океана, далекое от материковой суши) и осмысленный поэзией в рамках легенды, позволяя таким образом превратить Наполеона в Прометея и Христа. Сравнение Наполеона с Христом актуализовало в культурной памяти тему воскресения очень важную для европейской культурной памяти. Она воплощалась в поэзии с помощью образов-символов «тьень» и «призрак». Использование этих образов позволяло изобразить Наполеона существующим на границе двух миров, реального и загробного. Символическим воплощением «воскресения» Наполеона стало перенесение его

© Готовцева А.Г., 2021

праха с острова Святой Елены в парижский Дом инвалидов в декабре 1840 г. Перезахоронение было обставлено как военный парад, триумфальное шествие после победы. Именно как воскресение перенесение праха было воспринято европейским образованным обществом.

В русскую культуру и литературу образы, сформированные в Европе проникали в несколько измененном виде, сохраняя, однако, основные символические детали.

П. А. Вяземский в статье «О Ламартине и современной французской поэзии» (1830) замечал: «Наполеон стал предметом поэтическим только после низвержения. На скале своей он посвящен был несчастьем, и поэзия присвоила себе сего Прометея, уже не баснословного, но исторического и современного» [6, с. 135–136].

Через шесть лет рецензируя поэму «Наполеон» Э. Кинэ, Вяземский возвращается к образу Прометея как давно знакомому: «Наше тогдашнее поколение было более или менее под наполеоновским обаянием. Вытерпленные им оскорбления и страдания на жгучей скале, осуществление или олицетворение в нем древнего баснословного Прометея, который также имел свою скалу и своего пожирающего ястреба в лице Гудсон-лова, записки Лас Каза, записки доктора Антомарки и другие красноречивые защитительные речи в пользу Наполеона и обличительные против жестокосердия коварного Альбиона, поэтические проклинания Байрона в том же смысле, патриотические и остроумные песни Беранже -- все это пробуждало в нас живые сочувствия к падшему Наполеону. Мы забывали преступления его против мира и благоденствия Европы, забывали, как тяжела была железная рука владычества его. Перед нами был один страдалец, опоэтизированный судьбою и карою, на которую был осужден он мстью победителей своих» [Там же, с. 256].

Впервые широкий русский читатель встретился с этим образом, видимо, на страницах брошюры, изданной при мидовской “*Journal de St.-Petersbourg*” и представляющей собой текст, составленный на основе французской прессы. Брошюра называлась «Перенесение праха Наполеона с острова Св. Елены в парижский дом Инвалидов». Там говорилось: «Беспримерное несчастье Наполеона, которое перенес он с твердостью Прометея, искупило вполне все противузаконные покушения его на самостоятельность народов» [13, с. 7].

На авантитуле издания была воспроизведена гравюра с картины О. Верне «Наполеон, выходящий из могилы». Таким образом, в этой брошюре были объединены обе ипостаси Наполеона – Прометей и Христос. Но они считывались русским культурным пространством с некоторыми оговорками.

Так, Наполеон напрямую назван Прометеем, видимо, лишь в 1846 г. в первой редакции стихотворения Жуковского «Четыре сына Франции»:

«И лет прошло немного, / Дней новых Прометей, / Угаснул Император / В неволе на скале» [9, с. 344, 741].

Однако скала, как неперемный атрибут могилы на Св. Елене, появляется практически во всех стихах, посвященных этой теме. Видимо, первым в русской поэзии откликнулся на смерть Наполеона на Святой Елене Пушкин. Узнав об этом событии 18 июля 1821 г., он написал первую редакцию своего стихотворения «Наполеон». Здесь образ скалы не выведен. Само стихотворение имеет амбивалентную семантику, о которой уже писали исследователи [11, с. 12; 12, с. 181–183; 5, с. 356]. В самом конце 1810-х гг. отношение к Наполеону в России постепенно меняется, как замечают комментаторы нового академического собрания сочинений поэта, «от публицистики к историческому анализу». Помимо Наполеона – кровавого тирана возникает восприятие Наполеона как человека, достойного сострадания, с которым, несмотря на его злодеяния, следует примириться. Мотив сострадания звучит громче во второй редакции «Наполеона» 1824 г., когда Пушкин добавляет две наиболее проникновенные строфы, навеянные поэмой Ламартина «Бонапарт» [3, с. 657–658]: *«Искуплены его стяжанья / И зло воинственных чудес / Тоскою душевного изгнанья / Под сенью чуждою небес <...> Где, устремив на волны очи / Изгнанник помнил звук мечей / И льдистый ужас полуночи / И небо Франции своей...»* [15, с. 58]. Они были написаны в процессе работы над элегией «К морю» и вошли в черновой ее вариант [3, с. 644]. В самой элегии появляется, наконец, скала, «гробница славы», находящаяся посреди «пустыни» океана, на которой гений «почил среди мучений»: *«Одна скала, гробница славы... / Там погружались в хладный сон / Воспоминанья величавы: Там угасал Наполеон. / Там он почил среди мучений...»* [17, с. 15]. Этот образ напоминает Прометея лишь отдаленно.

То, что мы видим, в небольшом и малоизвестном стихотворении И.И. Дмитриева, написанным между двумя пушкинскими редакциями «Наполеона», напоминает о Прометее еще меньше. Оно рисует скалу, но лишь символ безвестности и одиночества, невозможности человека бороться с роком: *«Сокрытый здесь – еще лет Мужественных в свете, / Из мрака вдруг востек на трон, первейший в свете; / Потряс Европою, и... томно кончил век / Под зноем, на скале, средь грозных пучины!...»* [19, с. 436].

В том же 1824 г., что и элегию «К морю» Пушкин делает стихотворный набросок «Недвижный страж дремал на царственном пороге», где появляется призрак Наполеона – образ западноевропейской поэзии, в отличие от Прометея на скале, прекрасно усвоенной русской поэзией. Неожиданно к «владыке севера», императору Александру I, почивающему на лаврах усмирителя Европы в своих покоях в полночь является призрак Наполеона: *«Нет, чудный взор его, живой, неуловимый, / То вдаль зате-*

*рянный, то вдруг неотразимый, / Как боевой перун, как молния сверкал;
/ Во цвете здравия и мужества и мощи, / Владыке полунощи / Владыка
запада, грозный, предстоял» [15, с. 95].*

Образ «тени» умершего свергнутого властителя появляется у Тютчева в стихотворении «Могила Наполеона» (первая редакция – 1828), правда, блуждает эта тень исключительно по острову Святой Елены и не выходит за его пределы, хотя человечество помнит о нем: *«И ум людей твоею тенью полн, / А тень твоя, скитаясь в крае диком,
/ Чужда всему, внимая шуму волн, / И тешится морских пернатых криком» [20, с. 67].* Скала для Тютчева – лишь величественная могила, образ скалы как места страдания, не близок Тютчеву. Так, в своем переводе оды А. Мандзони «Пятое мая», он отказывается от нескольких строф, в частности от той, где выведен образ Голгофы [5, с. 356; 8, с. 91]. Еще раз к образу Наполеона-призрака Тютчев вернется в 1849 г., уже после перенесения праха, в стихотворении «Наполеон»: *«Года прошли – и вот, из ссылки тесной / На родину вернувшийся мертвец, / На берегах реки, тебе любезной, / Тревожный дух, почил ты наконец... / Но чуток сон – и по ночам, тоскуя, / Порою встав, ты смотришь на Восток, / И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя / Передрагсветный ветерок» [20, с. 220].*

Большой наполеоновский цикл был создан в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Лермонтовым. Первое по времени написания стихотворение – «Наполеон» – было создано в 1829 г. и включает уже сформированные к этому времени образы. Начинается оно с описания скалы – величественной могилы: *«Где бьет волна о брег высокой, / Где дикий памятник небрежно положен, / В сырой земле и в яме неглубокой – / Там спит герой, друзья! – Наполеон!.. / Вещают так: и камень одинокой, / И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..» [10, с. 45].* Известно, что могила Наполеона на острове Святой Елены была окружена плакучими ивами, дубы в тропическом климате не растут. Видимо, дуб – средоточие символических значений, среди которых сила, слава и бессмертие [2, с. 78; 21, с. 391], показался Лермонтову более приличествующим гробнице гения. Заканчивается стихотворение сценой прихода рыбака в вечерний час на «тихий склон» «несведущий, безмолвно попирает» «ту землю, где твой прах забытый истлевает». После этого появляется призрак, прогоняющий рыбака: *«Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала... / Умолк певец. Струится в жилах хлад; / Он тайным ужасом объят... / И струны лопнули... и тень ему предстала: / “Умолкни, о певец! – спеши отсюда прочь, – / С хвалой иль язвою упрека: / Мне все равно; в могиле вечно ночь. / Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока. / Пускай историю страстей / И дел моих хранят далекие потомки: / Я презрю песнопенья громки: / Я выше и похвал, и славы, и людей!..» [10, с. 47].*

На том же образе призрака построена и другое произведение Лермонтова, тоже названное «Наполеон», но имеющее определение жанра «дума»: *«На берегу, склонивши взор к волнам, / Стоит вблизи нагбенного креста? / Он не живой. Но также не мечта: / Сей острый взгляд с возвышенным челом / И две руки, сложенные крестом»*. Призрак, согласно своей классической сути, исчезает с рассветом. Образ местного жителя, рыбака, традиция изображения которого, идет, очевидно, от «Двух островов» В. Гюго [8, с. 93], сохраняется: *«Нередко внемлет житель сих берегов / Чудесные рассказы рыбаков. / Когда гроза бунтует и шумит, / И блещет молния, и гром гремит, / Мгновенный луч нередко озарял / Печальную тень, стоящую меж скал. <...> / Под шляпою, с нахмуренным челом, И две руки, сложенные крестом»* [10, с. 103–105].

Знаменитая фраза Лермонтова о Наполеоне «сын моря, среди морей твоя могила!», прозвучавшая в стихотворении «Святая Елена» так же могла быть навеяна «Двумя островами». Здесь же, в «Святой Елене», пожалуй, впервые акцентированно звучит тема мученичества Наполеона: *«Изгнанник мрачный, жертва вероломства / И рока прихоти слепой, / Погиб, как жил – без предков и потомства / Хоть побежденный, но герой!»* [Там же, с. 201].

* * *

Поэтический образ Наполеон–Христос, которому надлежит воскреснуть, а не просто появляться призраком, практически не прозвучала в русской литературе – слишком еще свежи были воспоминания об Антихристе, поправшем святыни. Стоит отметить лишь два случая, лишь слегка намекающих на такое развитие событий.

Первый – небольшой фрагмент стихотворение Владимира Бенедиктова «Ватерлоо», в котором несколько последних строф посвящены ссылке Наполеона на Святую Елену после того, как он проигрывает свою последнюю военную кампанию. Вот как описывается ночь после поражения: *«Душа его долго со снами боролась / И он отражал их, как волны утес. / Теперь покорился: неведомый голос / Святое «свершилось» над ним произнес»* [1, с. 95]. Это – несмотря на сдвиг вербализующего субъекта – явная аллюзия на текст Евангелия от Иоанна (19:30): «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух».

Второй случай – неочевиден. Это – фрагмент написанного в 1839 г. стихотворения Жуковского «Бородинская годовщина», где, упоминая Наполеона, намеренно или нет, поэт закладывает тему воскресения не содержательно, а формально. Отрывок, посвященный Наполеону, в этом произведении звучит следующим образом: *«И его как не бывало, / Перед кем всё трепетало!... / Есть далекая скала; / Вкруг скалы морская мгла; / С морем степь слилась другая, / Бездна неба голубая; / К той скале путь загражден... / Там зарыт Наполеон»* [9, с. 320]. Композиционно и семан-

тически этот отрывок – перелицовка известного фрагмента сказки Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях», написанной за шесть лет до этого: *«Есть высокая гора, / В ней глубокая нора; / В той норе, во тьме печальной, / Гроб качается хрустальный / На цепях между столбов. / Не видать ничьих следов / Вкруг того пустого места; / В том гробу твоя невеста»* [17, с. 554]. Чем закончилась сказка, известно: царевна ожила. В этом совпадении здесь как бы заложено «воскресение» Наполеона.

* * *

Май 1840 г. принес в Россию известие о том, что французское правительство и король Луи-Филипп приняли решение о перезахоронении праха Наполеона в Париже. Так совпало, что в майской книжке «Отечественных записок» было напечатано стихотворение Лермонтова «Воздушный корабль», являющегося вольным переложением баллады Цедлица “Das Geisterschiff” («Корабль призраков»), написанного восьмью годами ранее. Возможно, Лермонтов после десятилетнего перерыва в наполеоновской теме, вновь к ней вернулся именно под влиянием слухов о готовящемся решении. То, что Лермонтов на основе текста Цедлица написал фактически самостоятельное произведение, исследователи уже отмечали [25, с. 216–218].

Напомню содержание, в котором – все та же идея призрака императора. Похороненный на острове Св. Елены под «тяжелым камнем» в могиле из «пустынного и мрачного гранита» Наполеон каждый год в день своей смерти встает из гроба, чтобы отправиться на чудесном воздушном корабле, которому не страшны «скалы и тайные мели и бури» к берегам Франции. Там он зовет своих гренадеров, маршалов и сына, но никто не откликается на этот зов, и герой вынужден вернуться обратно в могилу. У Цедлица Наполеон не зовет своих гренадеров и маршалов, а ищет завоеванные города и свой трон. Таким образом, это – оригинальное переосмысление Лермонтовым источника, отсюда можно сделать вывод, что Лермонтову в принципе не близка идея воскресения наполеоновской эпохи, бытовавшая в европейской культуре. Одно дело – гений Наполеон, который бессмертен и останется в истории, другое – его маршалы и генералы.

И это наиболее отчетливо выразилось в стихотворении «Последнее новоселье», написанном уже после перенесения праха. Прах мученика, «погибшего давно, среди немых страданий / В изгнанье мрачном и в цепях», героя, преданного и покинутого теми, кто теперь возвращает его прах, императора, который был «замучен мщением бесплодным» трогать не следовало, потому что к Франции того времени он не должен иметь никакого отношения: *«И грустно мне, когда подумаю, что ныне / Нарушена святая тишина / Вокруг того, кто ждал в своей пустыне / Так жадно, столько лет спокойствия и сна! <...> / Как будет он жалеть, печалию томимый, / О знойном острове, под небом дальних стран, / Где*

сторожил его, как он непобедимый, / Как он великий, океан!» [10, с. 517]. Здесь, как и в европейской поэзии появляется Океан – символ омовения, перерождения, границы двух миров и эпох [8, с. 93, 96]. Вода – символ омовения, граница между двумя мирами, между двумя эпохами, двумя Наполеонами, после пересечения ее герой очищается от всех своих грехов и приобретает новую сущность, ее и должен «сторожить» великий Океан, в котором остались битвы и победы, благодеяния и преступления. *«Оты, чьей памятью кровавой / Мир долго, долго будет полн, / Приосенен твоею славой, / Почий среди пустынных волн! Великолепная могила...»* – написал Пушкин в стихотворении «Наполеон» [15, с. 56]. Бенедиктов закачивает свое «Ватеорлоо» тоже образом водной стихии, окружающей гробницу Наполеона: *«И, кажется, кругом на царственном просторе / Самодовольней плещет море, / Как бы гордясь, что удержать могло / Гиганта-пленника своим кристаллом синим / И грозного земным твердыням / В оковах влаги сберегло...»* [1, с. 96].

* * *

Но вернемся в 1840 г. Сходные лермонтовским мысли были высказаны Евдокией Ростопчиной в стихотворении под длинным названием «Поклонникам Наполеона, когда они задумали перенести его гробницу в Париж»: *«Париж ваш поле мятежей. / Для баснословного героя / Уж веры нет там у людей! / Не сыщут исполн покоя / Там, где шумит толпа пигмей!...»* [18, с. 123]. Андрей Подолинский идеологически близок к Ростопчиной. В стихотворении «Остров Святой Елены» он призывает оставить героя «на дальних, на чуждых скалах», потому что «не люди, а высшие силы / Сложили могучего прах...» и потому что именно на острове св. Елены прах Наполеона несет свою высшую миссию, вне своей могилы он ее утратит: *«Зачем же в другое жилище / С триумфом нести его прах? / Утратит на общем кладбище / Свое он значенье в веках... / Не случай – а с целью высокой / От нас его Бог отрешил, / Чтоб замыслам дерзким далеко / Со скал его призрак грозил!»* [14, с. 155]. Оба текста начинаются схожими строками («Не трогайте костей его!» у Ростопчиной и «Не троньте пустынной могилы» у Подолинского), что еще раз подчеркивает их идейную схожесть. Здесь же у Подолинского – образ океана, морской стихии, которая не только примирила героя с потомством, но и навсегда оставила в истории: *«Его этот остров и скалы! / Достойный в веках мавзоль! / Глашатай судьбы небывалой, / Средь шума и блеска морей»* [Там же, с. 154–155].

Стихотворение Подолинского «Звезда» имеет полемически заостренные аллюзии с «Орел и звезда» («Aigle et étoile») Беранже [26, с. 505-506], в котором Наполеон, находящийся на Эльбе, просит свою бриллиантовую звезду помочь ему освободиться из плена и исправить свою судьбу. Звезда слушает, зажигается, освещая орлу путь, но через

сто дней вновь гаснет под божественным перстом, орел падает. У Подолинского звезда Наполеона закатилась вовсе не после Ватерлоо, а «в победном зареве Кремля». И теперь звезда свободы народов находится в России и это – кремлевская звезда: *«Откуда вновь она блеснет: / Не с берегов ли шумной Сены, / Иль на гранит Святой Елены / Опять к любимцу низойдет? / Не там!.. Любви народной сила / Ее полет остановила, / И на седине вековой / Она с Кремля блеснула взорам – / Но не мгновенным метеором, / А неподвижною звездой!»* [14, с. 150–151].

Несколько стихотворений написал в связи с перенесением праха идеолог славянофильства Алексей Хомяков. Во всех этих текстах основная идея состоит в том, что «возвращение» Наполеона могло принести новые смуты. Но, в отличие от Ростопчиной и Подолинского, Хомяков чужд всякого восхищения героем, который навсегда побежден, он не воскрес и его деяния не повторятся: *«Когда мы разрыли могилу вождя / И вызвали гроб на сияние дня, / В нас сердце сжалось от страха: / Кажалось, лишь тронем свинец гробовой, / Лишь дерзко подыдем преступной рукой / Покров могучего праха – / Сердитые волны вскипят на морях, / Сердитые тучи взбегут в небесах / И вихрь средь знойного поля! / И снова польётся потоками кровь, / И, вставши, всю землю потребует вновь / Боец и железная воля! <...> / А он недвижим, он – гремящий в веках, / Он, сжавший всю землю в орлиных когтях, / Муж силы, молния брани! / Уста властелина навеки молчат, / И смертью закрыт повелительный взгляд, / И смертью скованы длани»* («7 ноября») [22, с. 119–120].

После перенесения праха, по мнению Хомякова, можно лишь воздвигать прекрасные памятники герою, но прах его все равно истлеет, потому что был побежден православным крестом в русскую кампанию: *«Пусть над перстью благородной / Громомещущей главы / Блещет саван зим холодный, / Пламя жаркое Москвы; / И не меч, не штык трёхгранный, / А в венце полночных звезд – / Усмиритель бури бранной – / Наша сила, русский крест! / Пусть, когда в земное лоно / Пренесён чрез бездну вод, / Бедный прах Наполеона, / Тленью отданный, заснёт, – / Перед сном его могилы / Скажет мир, склонясь главой: / Нет могущества, ни силы, / Нет величья под луной!»* («На перенесение Наполеонова праха») [Там же, с. 118–119].

Наполеон Хомякова, «помазанник собственной силы» был побежден не народами, а тем «кто пределы морям положил», т.е. Богом в «святом пожаре» Москвы: *«Не сила народов повергла тебя, / Не встал тебе ровный противник; / Но тот, кто пределы морям положил, / В победном бою твой булат сокрушил, / В пожаре святом твой венец растоптал / И снегом засыпал дружины»* («Еще об нем») [Там же, с. 120].

И, наконец, своеобразным завершающим аккордом неприятия русской поэзией самой идеи перенесения праха Наполеона с острова Св.

Елены, и тем более восприятия этого события как «воскресения», стало стихотворение Вяземского «Santa Elena», написанное более, чем двадцать лет спустя, в 1863 или 1864 гг. Поводом для его написания послужило пребывание поэта в Венеции и прогулки в основанном Наполеоном в период завоевания им Далмации общественном саду на морском побережье. Из сада был виден один из островов у венецианского берега, носивший то же имя, что и место ссылки свергнутого императора – Святая Елена.

Строки Вяземского наполнены плохо скрываемым раздражением, даже сарказмом, но при этом символический комплекс, сформированный до него, сохраняется: *«И, вновь воспламенясь к воздню посмертной страстью, / Тень, имя, звук его облек державной властью! / Да, песней тех не будь, да, Беранже не пой, / И ваш Наполеон, отшедший на покой, / Остался б на скале и после смерти узник; / Не вспомнили б о нем ни маршалы, ни блузник. / Но ловкой выходкой удачного певца / Французские умы, французские сердца, / Под обаянием и магнетизмом песни, / Давно умершему сказали: “Ты, воскресни!” / И ожил их мертвец, воскрес Наполеон: / Освистанный в живых, в легенде вырос он, – / Легенду смелую вновь плотью облепили / И за сорок годов назад перескочили»* [7, с. 58].

* * *

Описанный выше символический комплекс оказался востребованным и поэтами Серебряного века при понятном сокращении количества текстов, посвященных этой теме. Конечно, тут можно говорить о совершенно другом контексте восприятия наполеоновского мифа и о связанной с этим трансформации поэтических и в целом эстетических представлений. Но я в данном случае ставлю своей целью найти не различия, а сходства и показать преемственность центральных мотивов.

Валерий Брюсов заканчивает стихотворение «Наполеон», написанное в 1901 г., изображением неподвижной скалы-могилы, которая встречалась уже у Пушкина и Тютчева: *«...И пал, бессильный, на утес, – / Где, на раздольи одичалом, / От века этих дней ждала / Тебя достойным пьедесталом / Со дна встающая скала!»* [4, с. 130].

Марина Цветаева пронесла увлечение Наполеоном через всю жизнь. В стихотворении «Бонапартисты» появляется скала-могила: *«Длинные кудри склонила к земле, / Словно вдова молчаливо. / Вспомнилось, – там, на гранитной скале, / Тоже плакучая ива»* [23, с. 168]. Маленький набросок «Черные стены / С подножием пены / Это – Святая Елена» [24, с. 329], написанный в мае 1935, очевидно связан с очередной годовщиной смерти на далеком острове легендарного пленника. И эта уместившаяся менее чем в десяти словах зарисовка – изображение места мучения героя. Еще один небольшой цветаевский набросок, написанный в том же 1935 г., через пару месяцев – образ Океана (моря), великой границы между жизнью и вечностью, сохранившей для истории

великого человека: *«Окно раскрыло створки – / Как руки. Но скрестив / Свои – взирает с форта: / На мыс – отвес – залив / Глядит – с такою силой, / Так вглубь, так вверх всего – / Что море сохранило / Навек глаза его»* [Там же, с. 330].

И конечно, Цветаева раскрывает тему императора, встающего из могилы. Сделала она это, построив целый драматургический сюжет через фантастическое пространство сна в стихотворении «В Шёнбрунне». Сын Наполеона и Марии-Луизы Австрийской, провозглашенный своим отцом королем Римским, не получив престола после первого отречения Наполеона, жил со своей матерью в замке Шёнбрунн недалеко от Вены. Еще позднее австрийский император наградил его богемским герцогством Рейхштадт. Герцогу Рейхштадтскому снится сон, в котором он видит отца, вдруг появившегося в конце дворцовой аллеи. Они вместе скачут в Париж, где их ждет армия и пышный парад под стенами дворца Тюильри. Юный герцог занимает завещанный ему трон Франции. Но увы, это только сон: *«Мчимся! Цепи далеки, / Мы свободны. Нету плена. / Видишь, милый, огоньки? Слышишь всплески? Это Сена!» / Как широк отцовский плац! / Конь летит, огнем объятый. / “Что рокочет там, меж чащ? / Море, что ли?” – “Сын, – солдаты!” / – “О, отец! Как ты горшишь! / Погляди, а там направо, / – Это рай?” – “Мой сын – Париж!” / – “А над ним склонилась?” – “Слава”. / В ярком блеске Тюильри, / Развешаются знамена. / – “Ты страдал! Теперь цари! / Здравствуй, сын Наполеона!” / Барабаны, звуки струн, / Все в цветах... Ликут дети... / Все спокойно. Спит Шенбрунн. / Кто-то плачет в лунном свете»* [23, с. 28–29].

* * *

Русская поэзия заимствовала мотивы у поэзии европейской, по-своему их переосмысляя и переиначивая. С одной стороны – образы, близкие к европейским, Наполеон-призрак, скала, океан. С другой – связанное со сложившейся еще в Отечественную войну 1812 г. трактовкой Наполеона как Антихриста категорическое неприятие одного из ключевых мотивов европейской культуры – мотива «воскресения» Наполеона, связанного с возвращением его праха с острова Святой Елены во Францию.

Список литературы

1. Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1939. 376 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Бодрова А. С. и др. Примечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2: С. 501–967.
4. Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1961. 910 с.
5. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007. 372 с.
6. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. XVIII, 426 с.

7. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. Т. 12. Ч. 4. XVIII, 558, XVI с.
8. Готовцева А. Г. Наполеон на Святой Елене: символы европейской поэзии XIX века // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 83–100.
9. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
10. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. 755 с.
11. Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 5–32.
12. Немировский И. В. Генезис стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 176–183.
13. Перенесение праха Наполеона с острова Святой Елены в Парижский Дом инвалидов. СПб.: Тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1841. 58 с.
14. Подолинский А. И. Сочинения А. И. Подолинского: В 2 ч. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1860. Ч. 2. 249 [5] с.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2. 1018 с.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 2019. Т. 3. Кн. 1. 1119 с.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. 635 с.
18. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1986. 448 с.
19. Труды и дни Ивана Дмитриева: В 2 кн. М.; Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. Кн. 2. 774 с.
20. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: Классика, 2002. Т. 1. 525 с.
21. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 1997. 512 с.
22. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. 535 с.
23. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллиас Лак, 1994. Т. 1. 640 с.
24. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллиас Лак, 1994. Т. 2. 591 с.
25. Эйхенбаум Б. М. и др. Варианты и комментарии // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2. С. 159–274.
26. Beranger P. J. Chansons de Pierre-Jean de Béranger: anciennes et posthumes. Paris: Perrotin, 1866. VIII, 648 p.

NAPOLEON ON ST. HELENA: SYMBOLS OF RUSSIAN POETRY

A. G. Gotovtseva

Russian State University named after A. N. Kosygin
Department of Journalism and Television Technologies
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Office of the Journal “Russia and the Contemporary World”

Russian State University for the Humanities
Department of Literary Criticism

The article examines the symbolic structures of the Napoleonic myth concerning the stay of the deposed emperor on the island of St. Helena. The stable symbolic complex that developed in European poetry penetrated into Russian poetry, which interpreted it in its own way, adopting one thing virtually unchanged and categorically rejecting another. Consideration of a number of well-known poetic texts of the first quarter of the 19th century – the first third of the 20th century made it possible to show the continuity of the images that formed this part of the Napoleonic myth in Russian poetry.

Keywords: *Napoleon, St. Helena, historical memory, symbols, images, poetry, Napoleonic myth.*

Об авторе

ГОТОВЦЕВА Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (115035, Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1), профессор кафедры литературной критики Российского государственного гуманитарного университета (125993, Москва, Миусская пл., 6), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21). E-mail: brunhilda@yandex.ru.

About the author:

GOTOVTSEVA Anastasia Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, A.N. Kosygin Russian State University. (115035, Moscow, Sadovnicheskaya str., 33, bldg. 1), Professor of the Department of Literary Criticism, Russian State University for the Humanities (125993, Moscow, Miusskaya sq., 6), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (117418, Moscow, Na-khimovsky prosp., 51/21). E-mail: brunhilda@yandex.ru.